

Научная статья
УДК 343
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-201-207>

Перспективы развития уголовной политики в области противодействия массовым беспорядкам: теория, техника, практика

Хабибуллин Линар Ринатович

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, Linar-7771@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы неработоспособности действующего уголовно-правового механизма противодействия массовым беспорядкам и приводятся юридико-технические причины его несовершенства. Продемонстрированы события на территории постсоветского пространства, свидетельствующие о необходимости выработки новых юридико-технических инструментов борьбы с массовыми беспорядками. В статье предложена авторская модель совершенствования уголовного законодательства и интерпретационной практики во взятой для рассмотрения области. Представлена авторская гипотеза о том, что массовые беспорядки представляют угрозу не только для общественной безопасности, а и конституционного строя, и безопасности государства.

Ключевые слова: массовые беспорядки, дифференциация ответственности, позитивное право, объект преступления, преступления против государственной власти, преступления против общественной безопасности, экстремизм

Для цитирования: Хабибуллин Л. Р. Перспективы развития уголовной политики в области противодействия массовым беспорядкам: теория, техника, практика // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 201—207. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-201-207>.

Original article

Prospects for the development of criminal policy in the field of combating riots: theory, technique, practice

Linar R. Khabibullin

Kazan Law Institute of the Ministry of internal affairs of Russia, Kazan, Russian Federation, Linar-7771@mail.ru

Abstract. The article examines the problems of inoperability of the current criminal law mechanism for counteracting mass riots and provides legal and technical reasons for its imperfection. Events on the territory of the post-Soviet space are demonstrated, indicating the need to develop new legal and technical tools for combating riots. The article proposes the author's model for improving the criminal legislation and interpretive practice in the area taken for consideration. The author's hypothesis is presented that riots pose a threat not only to public safety, but also to the constitutional order and state security.

Keywords: riots, differentiation of responsibility, positive law, object of crime, crimes against state power, crimes against public safety, extremism

For citation: Khabibullin L. R. Prospects for the development of criminal policy in the field of combating riots: theory, technique, practice. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 201—207. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-201-207>.

Начало 2022 года на постсоветском пространстве ознаменовалось чередой политических протестов на территории Казахстана, получивших широкую огласку в средствах массовой информации (далее — СМИ), а равно приведших к затяжным спорам в

© Хабибуллин Л. Р., 2022

международно-правовом поле. Подобное событие не должно оставаться и без внимания юридической научной мысли, обязывающей нас более объективно и рассудительно обратить внимание не столько на конкретно названные инциденты, сколько на явление самого протеста в целом. Зачастую в тех же СМИ и во множестве оппозиционно ориентированных интернет-ресурсах различными активистами, имеющими в силу своей публичности влияние на формирование общественного мнения [1], подразумеваемые происшествия освещались если не с положительной, то с нейтральной коннотацией, а где-то и вовсе напрямую высказывались слова поддержки, адресованные напрямую участникам протестных акций. И на сегодняшний день появляются новые призывы к воспроизводству такого аполитичного движения.

Аналогичные события происходили безотчетливо недавно на территории Республики Беларусь в 2021 году в связи с социальным недовольством, вызванным официально заявленными результатами президентских выборов. Кроме того, все мы помним про осуществленную толпой насильственную смену власти в Украине в 2013—2014 годах [2]; про антиправительственные волнения в Киргизии 2005 и 2010 годов [3, с. 151]; протестные акции в Молдавии в 2009 году, спровоцированные неприятием обществом результатов парламентских выборов; протесты в Тбилиси 2003 года, когда Верховный суд Грузии был вынужден аннулировать итоги выборов в парламент. И это лишь политически мотивированные массовые беспорядки, в этот весьма короткий, но заставляющий задуматься перечень не включены различные массовые беспорядки, организуемые, например, спортивными фанатами и иными социальными (или корректнее было бы употребить термин «асоциальными») группами.

Не является чем-то инородным столь деструктивное явление и для российской действительности, следует хотя бы вспомнить массовые волнения в 2020—2021 годов [4] или беспорядки, получившие известность как события на болотной площади [5].

Учитывая последствия, которые повлекли за собой перечисленные прецеденты (не только для политической жизни граждан, но и общественного порядка, собственности, жизни и здоровья граждан) крайнюю степень настороженности или даже опасения вызывают распространяющиеся в обществе воззрения на эти события как на законные и справедливые в естественно-правовом понимании, что

свидетельствует о слабой информированности граждан относительно тяжести последствий таких мероприятий. Так, ущерб от массовых беспорядков в Казахстане, согласно словам президента Токаева, составил от 2 до 3 млрд долларов. Это ущерб, причиненный в первую очередь самому обществу. Однако социальное правосознание преломляется под воздействием не вполне добросовестных, но публично доступных источников. На наш взгляд, очевидна неспособность граждан в большинстве своем разграничивать массовые мероприятия и массовые беспорядки, осознавать общественную опасность последних и, соответственно, юридически корректно воспринимать ответную реакцию государств на факт участия в них.

Массовые беспорядки как понятие является сугубо уголовно-правовой категорией, и противодействие таковым должно рассматриваться через призму уголовной политики, а грамотное профилактическое информирование общества в разрезе науки криминологии с учетом того, что криминологические характеристики лиц, в них участвующих, очень схожи с характеристиками экстремистов [6]. Вместе с тем обнаружив эту проблему вследствие критического рассмотрения все еще бесспорно актуальных событий в Казахстане, мы, учитывая общий для государств — участников СНГ генезис уголовно-правовой реальности, должны заключить, что имеющийся уголовно-правовой механизм противодействия массовым беспорядкам является недостаточно эффективным и даже устаревшим.

Хотя последнее видится несколько парадоксальным, поскольку исторически сложилось так, что в дореволюционный период массовые беспорядки в отечественном законодательстве рассматривались как преступления, посягающие в первую очередь на интересы государственной власти, что мы считаем достаточно обоснованным.

Уголовный закон выделял такой вид массовых беспорядков, который выражался в «публичном скопище, заведомо собравшемся с целью выразить неуважение верховной власти или порицание установленных законами образа правления или порядка наследия престола, или заявить сочувствие к бунту или измене, лицу, учинившему бунтовщическое или изменническое деяние, или учению, стремящемуся к насильственному разрушению существующего в государстве общественного строя...».

Позднее в Положении о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо

для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) деяния, подпадающие под признаки массовых беспорядков, обозначались как особо опасное преступление, «колеблющее основы государственного управления и хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик». С этого времени подход к формулированию запрета на массовые беспорядки практически не претерпел никаких преобразований и почти в неизменном виде был перенят законодателем при разработке УК РФ 1996 года. Новый уголовный закон содержал в себе отдельную главу — «Преступления против общественной безопасности», в которой содержалась норма о массовых беспорядках. Но важно заметить, что здесь имеется существенное противоречие, которое заключается в том, что новая глава содержит старую конструкцию состава преступления, который столетиями в законодательстве относился к деяниям против государства.

В этой части обнаруживается фундаментальная проблема — определение объекта массовых беспорядков как многообъектного преступного деяния. Нам несколько претит расположение запрета на массовые беспорядки в разделе IX уголовного закона. Приведенные ранее по тексту настоящей статьи события являются не просто массовыми беспорядками, а политически мотивированными массовыми беспорядками. Такие протесты направлены либо на дестабилизацию государственной власти, либо имеют своей целью воздействие на принятие решений органами государственной власти. Учитывая правила определения характера общественной опасности, приведенные в преамбуле постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58, следовало бы предположить, что политическое целеполагание организаторов и участников массовых беспорядков определяет направленность такого преступного поведения на причинение вреда общественным отношениям, охраняемым разделом X УК РФ, а именно главой 29 (Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства).

В то же время исторический и зарубежный опыт подсказывают нам, что не все массовые беспорядки обусловлены политической жизнью государства. Сопровождаемые насилием массовые беспорядки могут быть продиктованы межнациональной, межрелигиозной и подобной им рознью, иной враждой по отношению к какой-либо социальной группе. Навряд ли, например, имевшие место в отечественной истории

еврейские погромы [7] можно отнести к преступлениям, посягающим на государственную власть в традиционном смысле. Вместе с тем совершение массовых беспорядков на почве национальной нетерпимости позволяет расценить это как преступление, совершенное по экстремистским мотивам, которые, как правило, рассматриваются законодателем как раз через главу 29 УК РФ.

Учитывая природу субъективного вменения (ст. 5 УК РФ) и его значение при конструировании уголовного законодательства, логично было бы предположить, что состав преступления, предусмотренный статьей 212 УК РФ, должен быть в главе 29 УК РФ. Однако, как показывает следственно-судебная практика, к массовым беспорядкам относятся в том числе и групповые протесты заключенных, осуществляемые ими в местах лишения свободы, когда по количественным признакам это позволяет квалифицировать содеянное не по статье 321 УК РФ, а по статье 212 УК РФ [8, с. 48]. Однако, учитывая, что виной участников подобных действий охватывается в первую очередь посягательство на общественные отношения, охраняемые главой 32 УК РФ, необходимо отметить, что данный вид массовых беспорядков следовало бы рассматривать как преступления против порядка управления.

С одной стороны, законодатель прибегнул к упрощению — он включил норму об ответственности за участие и организацию массовых беспорядков именно в главу, посвященную охране общественной безопасности, поскольку статьей 212 УК РФ подразумевается полиобъектное преступление. В то же время мы склонны считать, что такое обобщение, во-первых, недопустимо для отечественного уголовного права, в основу которого положен неопозитивистский подход, во-вторых, не оставляет достаточных возможностей для дифференциации ответственности, оставляя вопрос о соблюдении принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) на откуп исключительно индивидуализации наказания судом. Являются ли тождественными по общественной опасности массовые беспорядки, направленные на подрыв государственной власти, и массовые беспорядки, выразившиеся в конфликте футбольных болельщиков? Вопрос о наличии проблемы с определением объекта массовых беспорядков видится умозрительным, но для того, чтобы развеять возможные сомнения и предупредить упрек в необоснованности наших суждений, нами было проведено социологическое исследование в этой области.

В частности предлагаем укрепить выдвинутое нами сомнение относительно состоятельности или осуществимости дифференциации ответственности за массовые беспорядки посредством обращения к мнению самого общества, безопасность которого ставится под угрозу при проведении массовых беспорядков. Так, нами был организован и проведен формализованный социологический опрос (очное анкетирование) на тему общественного мнения о массовых беспорядках как преступном деянии. В процессе ознакомления с результатами исследования мы получили ответы от 220 граждан. В ходе дальнейшей выборки мы исключили из массива анализируемых анкет ответы граждан, не обладающих хотя бы средним специальным образованием, не достигших возраста 16 лет, а равно ответы граждан, не указавших свой возраст или образование. По итогу мы получили совокупность из 147 анкет, составивших репрезентативное мнение успешно социализировавшихся в обществе респондентов. В этой группе на вопрос: «Понимаете ли вы различия между такими понятиями, как массовые беспорядки (преступное деяние) и массовые мероприятия (собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования и т. п.)» 65,3 % респондентов ответили утвердительно, и около 34,64 % граждан имеют сомнения (22,4 % понимают, но смутно, 12,24 % затруднились с ответом). Полученные результаты не гарантируют, что граждане действительно юридически корректно понимают разницу между двумя приведенными в анкете понятиями, однако демонстрируют, что большинству из них хотя бы на бытовом уровне очевиден факт наличия соответствующих различий.

Примечательно, когда первой группе (ответивших утвердительно) предложили оценить по десятибалльной шкале общественную опасность массовых беспорядков (рис. 1), средний показатель при его конвертации в процентное отношение составил 58 %, что является весьма ценной информацией, если рассматривать ее вкупе с результатами, полученными по следующему вопросу, где 32,37 % респондентов ответили, что, по их мнению, массовые беспорядки посягают в первую очередь на государственную власть, а не на общественную безопасность.

Вопрос 5.1. Если Вы ответили «да», то обратите внимание на представленную ниже

шкалу. Укажите на ней (обведите цифру или любым иным образом) оценку общественной опасности, где «0» это преступление небольшой тяжести, а «10» это особо тяжкое преступление.

Учитывая выборку, произведенную нами по уровню образования, считаем эти цифры весьма достоверными с позиции их соответствия реальному общественному мнению. Предвидя упрек в том, мы считаем этот показатель за достоверный, хотя ранее нами отмечалось сомнение в способности граждан юридически корректно разграничить массовые беспорядки и массовые мероприятия. Обращаем внимание, что, учитывая конструкцию диспозиции статьи 212 УК РФ, осуществить такое разграничение весьма затруднительно и для практикующих юристов, если правильно сформулировать вопрос. Если описательные диспозиции статей 105, 128¹, 131, 136, 158, 159—159⁶, 160, 161, 162, 163, 185³, 196, 197, 204¹, 205⁴, 213, 214, 275, 276, 282¹, 291¹, 292, 293, 304, 330, 338 УК РФ построены вполне логичным образом, включая в себя пояснение употребляемого понятия (например, «убийство, то есть...; разбой, то есть...») и нет необходимости с точки зрения юридической техники в дополнительном раскрытии смыслового содержания употребляемых терминов, то применение статьи 212 УК РФ требует определения юридического содержания понятия «массовые беспорядки» и отражение в материалах дела или конкретном процессуальном решении результата сопоставления признаков этого понятия с фактическими обстоятельствами оцениваемого события.

Однако в законе нет дефинитивного определения этого понятия, а указание на насилие, использование оружия и иные, помещенные в диспозицию, признаки выполняют скорее дополнительную или вспомогательную роль, являясь своего рода условием признания массовых беспорядков уголовно наказуемым деянием, т. е. дополнением к гипотезе, представленной в статье 8 УК РФ. В этом ключе обнаруживается крайне важный нюанс, которому в научной литературе не уделено должного внимания — *диспозиции уголовно-правовых норм по частям 1—4 статьи 212 УК РФ являются простыми, но никак не описательными*. И насколько бы абсурдным не казалось данное утверждение, оно подтверждается при более кропотливом

юридическом анализе указанной нормы по объективным и субъективным признакам состава преступления.

Соответственно, как мы можем вести речь о совершенствовании уголовно-правового механизма противодействия массовым беспорядкам, если до сих пор не можем прийти к единообразному пониманию этой категории в условиях отсутствия какого-либо ее дефинитивного определения в уголовном или специальном законодательстве? Конечно, этот нюанс может показаться несущественным ввиду того, что не оказывает реального влияния на правоприменение. Но придерживаться этой позиции недопустимо, поскольку она свидетельствует о поверхностном понимании самой сути уголовного закона и позитивного права в целом. Да, правоприменение по рассматриваемой уголовно-правовой норме действительно работает, но работает со словами «закон не совершенен, все и так все знают и понимают». То есть суды просто вынуждены закрывать глаза на юридико-технические даже не коллизии, а явные пробелы. Поправить эту ситуацию можно двумя путями:

1) правотворческое преобразование:

а) изменить формулировку диспозиции, сделав ее описательной;

б) закрепить дефиницию массовых беспорядков в примечании к статье;

2) правоинтерпретационное решение: посредством разработки акта судебного толкования.

После нормативно-правового определения понятия массовых беспорядков мы можем уже более предметно вести речь как об усилении ответственности за участие в них, так и разрабатывать начала для более специализированной дифференциации.

В частности обобщение судебной практики последних лет позволяет нам с уверенностью утверждать, что по направленности деяния массовые беспорядки можно классифицировать на следующие виды:

1) политические (характерные черты: цель — воздействие на принятие решений государственными органами или дестабилизация их деятельности). Массовые беспорядки, организуемые или хаотично проводимые в целях принуждения государственной власти к принятию определенных решений, а равно к воздержанию от принятия каких-либо решений, в некоторой степени образуют *de facto* политический экстремизм — явление, о котором авторский коллектив в числе А. В. Петрянина, И. А. Коннова

и М. В. Кузнецова писал: «особенностью политического экстремизма является **выбор непосредственного объекта посягательства, в качестве которого выступает область политики. При этом обосновывается применение насилия как инструмента борьбы за власть**» [9, с. 46];

2) общеэкстремистские (характерные черты: мотивы ненависти или вражды по отношению к какой-либо социальной группе по признаку пола, расы, национальности и т. п.) [10, с. 591—596];

3) пенитенциарные (характерные черты: субъект — лица, отбывающие наказания в исправительных учреждениях; место — учреждения уголовно-исполнительной системы, обеспечивающие отбывание наказания в виде лишения свободы).

Мы считаем необходимым разграничить ответственность за массовые беспорядки с учетом целей, мотивов и места их проведения. Так, ответственность за политические массовые беспорядки, а равно за «погромы» по мотивам национальной розни должна быть установлена в главе 29 УК РФ, за пенитенциарные беспорядки — в главе 32 УК РФ. Надо учитывать, что посягательство не общественный порядок зачастую является самоцелью организации или участия в массовых беспорядках. Напротив, посредством посягательства на массовые беспорядки виновные пытаются достигнуть конкретного, например политического, результата. Мы не отрицаем, что угроза создается в том числе и общественной безопасности (не столь выражено как по ст. 205 УК РФ), но дифференцировать ответственность необходимо, исходя из субъективных признаков. Если подобное мнение вызывает у кого-то недоумение или подобное ему чувство, то предлагаем вспомнить, почему состав разбоя, одним из признаков которого является опасное для жизни насилие, расположен в главе 21 УК РФ (преступления против собственности), а не, скажем, в главе 16 УК РФ (преступления против жизни и здоровья). А ответ в том, что основной непосредственный объект должен определяться в первую очередь исходя из подразумеваемого нормой психического отношения виновного к совершенному или совершаемому правонарушению.

При разработке возможностей для дифференциации ответственности за массовые беспорядки не лишним будет и обращение к зарубежному опыту. В частности в уголовном законе Канады (п. 2 ст. 65) в законодательстве Великобритании, в Уголовном кодексе Франции (абзац второй ст. 431-4) в качестве квалифицирующих

Рис. 1. Выдержка из анкеты: «Исследование общественного мнения о массовых беспорядках как криминальном явлении»

признаков или обстоятельств, влекущих более строгое наказание, рассматривается использование участником массовых беспорядков масок или прочих маскирующих средств, препятствующих его идентификации. Так, если по законодательству Франции просто участие в массовых беспорядках влечет наказание в виде штрафа в сумме до 15 тыс. евро, то наличие обозначенного признака увеличивает верхний предел штрафа вплоть до 45 тыс. евро.

Таким образом, совершенствование уголовной политики в области противодействия массовым беспорядкам подразумевает:

1) правотворческую работу, в рамках которой необходимо:

а) дать дефинитивное определение массовым беспорядкам или привести статью 212 УК РФ в соответствие с юридико-техническими правилами составления описательных диспозиций;

б) дифференцировать ответственность за массовые беспорядки, закрепив в главу 29 УК РФ и главу 32 УК РФ нормы, которые будут специальными по отношению к статье 212 УК РФ;

в) адаптировать положительно расцениваемый зарубежный опыт под отечественное законодательство;

2) правоинтерпретационную работу: правоприменение остро нуждается в разъяснениях суда высшей инстанции, отсутствие которых может привести к различного порядка злоупотреблениям и политическим преследованиям. В частности проблемным видится вопрос о разграничении массовых беспорядков от преступлений, совершаемых группами лиц при проведении массовых мероприятий (митингов, шествий, пикетирований), а также от преступлений, совершаемых при массовых беспорядках.

Список источников

1. Ушкин С. Г. Вовлеченность пользователей социальных сетей в протестное движение // *Власть*. 2014. № 8. С. 138—142.
2. Панченко П. Н. Майдан: истоки и последствия криминальных проявлений // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2015. № 1 (29). С. 143—148.
3. Наумов А. О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве: взгляд десять лет спустя // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2014. № 45. С. 148—178.
4. Давыдова М. А. Массовые политические протесты в Российской Федерации 2020—2021 годов: триггеры, технологии, инфраструктура информационного потока // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021. № 4. С. 162—168.

5. Риеккинен М. А. К вопросу о санкциях за неконструктивное протестное поведение: анализ судебной практики в рамках «Болотного дела» // *Актуальные проблемы российского права*. № 58. 2015. № 3. С. 38—45.

6. Петрянин А. В. Личность экстремиста: криминологический аспект // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2012. № 4 (20). С. 104—109.

7. Малахов В. А. Региональная локализация еврейских погромов 1881—1882 гг. в Российской империи // *Вестник БГУ*. 2012. № 2 (1). С. 55—69.

8. Быков А. И. К вопросу о разграничении составов преступлений, предусмотренных статьями 212 и 321 Уголовного кодекса Российской Федерации // *Групповые неповиновения и массовые беспорядки в учреждениях УИС: сборник материалов круглого стола (30 ноября 2017 г., г. Москва)*. М.: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2018. С. 46—49.

9. Петрянин А. В., Коннов И. А., Кузнецов М. В. Понятие, признаки и виды экстремизма: учебное пособие. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2019. 128 с.

10. Петрянин А. В. Юридическая конструкция статьи 213 УК РФ «Хулиганство»: особенности и проблемы правоприменения // *Юридическая техника*. 2013. № 7-2. С. 591—596.

References

1. Ushkin S. G. Involvement of social network users in the protest movement. *Power*, 2014, no. 8, pp. 138—142. (In Russ.)
2. Panchenko P. N. Maidan: the origins and consequences of criminal manifestations. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 1 (29), pp. 143—148. (In Russ.)
3. Naumov A. O. "Color revolutions" in the post-Soviet space: a look ten years later. *Public administration. Electronic Bulletin*, 2014, no. 45, pp. 148—178. (In Russ.)
4. Davydova M. A. Mass political protests in the Russian Federation in 2020—2021: triggers, technologies, information flow infrastructure. *Humanities. Bulletin of the Financial University*, 2021, no. 4, pp. 162—168. (In Russ.)
5. Riekkinen M. A. On the issue of sanctions for non-constructive protest behavior: an analysis of judicial practice in the framework of the "Bolotnaya case". *Actual problems of the Russian Federation Resolution*. 2015, no. 3, pp. 38—45. (In Russ.)
6. Petryanin A. V. The personality of an extremist: a criminological aspect. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 4 (20), pp. 104—109. (In Russ.)
7. Malakhov V. A. Regional localization of Jewish pogroms in 1881—1882 in the Russian Empire. *Bulletin of BSU*, 2012, no. 2 (1), pp. 55—69.

8. Bykov A. I. On the issue of delineating the elements of crimes provided for by Articles 212 and 321 of the Criminal Code of the Russian Federation. Group disobedience and riots in penitentiary institutions: a collection of round table materials (November 30, 2017, Moscow). Moscow: FKU NIIIT FSIN of Russia Publ., 2018. Pp. 46—49. (In Russ.)

9. Petryanin A. V., Konnov I. A., Kuznetsov M. V. Concept, signs and types of extremism: study guide. N. Novgorod: NRU RANEPА Publ., 2019. 128 p. (In Russ.)

10. Petryanin A. V. Legal construction of article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation "Hooliganism": features and problems of law enforcement. *Legal technique*, 2013, no. 7-2, pp. 591—596. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.